

ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ

Снимает Роман Кармен.

Книгу Романа Кармена «Но пасаран!» с полным основанием можно назвать главной его книгой, той самой любимой, самой заветной, всегда неодолимо зовущей к себе писателя, которая, по словам Ольги Берггольц, есть у каждого или по крайней мере у большинства писателей. А так как стержнем этой книги являются сам писатель, его жизнь, люди, его окружающие, время, в котором он живет, то пишется такая книга всю жизнь и все-таки оказывается всегда впереди.

Вероятно, книга Кармена начиналась около полувека назад, еще в ту пору, когда он впервые взял в руки фотоаппарат, а потом, увлекшись кинорепортажем, сменил его на съемочную камеру и стал снимать первые скромные сюжеты, не предполагая, конечно, что в главную эту книгу со временем войдут и эпизоды гражданской войны в Испании, и Отечественная война, и революционная Куба, и сражающийся Вьетнам, и другие героические события на-

Роман Кармен. «Но пасаран!», Годы и люди. Издательство «Советская Россия», М., 1972.

шего бурного века, свидетелем, участником и летописцем которых посчастливилось стать человеку с киноаппаратом.

Мне, как и многим моим сверстникам, имя Кармена прочно запомнилось в 1936 году, когда в кинотеатрах перед началом сеанса художественных фильмов стали появляться оперативные выпуски кинохроники «К событиям в Испании», присланные Карменом прямо оттуда, с горящей испанской земли. Выпуски были короткими. До обидного короткими. Нередко мы оставались на следующий сеанс ради того, чтобы посмотреть их еще раз.

В разгар Отечественной войны, когда в прифронтовом лесу или же в набитом до отказа бойцами просторном сарае киномеханик натягивал простыню и перед нами возникали военные киножурналы, я много раз находил там снятые Карменом сюжеты: наступление советских войск под Москвой, пленение в Сталинграде фельдмаршала Паулюса, бомбежки, атаки... Конечно, все мы хорошо понимали, что вездесущим, неутомимым оператором нужно было обладать немалым зап-

лом мужества, чтобы снять эти драгоценные кадры. И все же, прочитав сегодня в книге «Но пасаран!» свидетельство самого Кармена, я очень конкретно представил себе, какой ценой приходилось расплачиваться за несколько метров снятой пленки. Ведь для того чтобы зафиксировать один-единственный «заветный» кадр бомбометания, когда из бомболюков на фашистов обрушивался смертоносный груз, Кармен совершил семь боевых вылетов, заняв место штурмана.

Сейчас документальные репортажи военных лет уже принадлежат истории. Без сюжетов, снятых некогда Карменом, кажется, не обходится сегодня ни один фильм об Отечественной войне. А его испанские съемки неизменно включают во все документальные фильмы об Испании. В дни Каннского фестиваля я видел превосходный фильм французского режиссера Фредерика Россифа «Умереть в Мадриде» и тогда же прочитал во французских газетах, что кадры Кармена, широко использованные Россифом, содействовали успеху фильма, который

был воспринят зрителями как «триумф кинопублицистики».

Книга Романа Кармена — это увлекательный рассказ человека, искусно владеющего не только кинокамерой, но и пером литератора, о том, как он снимал в Испании и на фронтах Отечественной войны, в Арктике — спасение дрейфующего корабля «Георгий Седов», а на стальных сваях и в открытом море — самоотверженный труд нефтяников Каспия, как снимал в джунглях Вьетнама и на Кубе...

Однако было бы неверно рассматривать книгу Кармена только как своеобразный комментарий к собственному творчеству, хотя она рождена и вдохновлена профессией кинооператора, хотя сам автор говорит в одной из глав, что книга его о том, что он видел в жизни, как смотрел на все это и как его ощущения претворялись в кинорепортажи и кинофильмы.

«Но пасаран!» — книга широкого дыхания. У нее своя собственная литературная судьба. Поэтому можно не сомневаться, что книгу с одинаковым интересом прочитают люди, хорошо знакомые с творчеством Кармена,

и те, кто не видел на экране многих его фильмов. На страницах этой книги сохранились и неповторимые приметы времени, и живые черты таких разных, непохожих друг на друга людей, как Циолковский, Папанин, Долорес Ибаррури, Хемингуэй, Кольцов, Уэллс, Матэ Залка, чьи портреты Кармен запечатлел не только на пленке, но и на бумаге. Не говорю о галерее прославленных и безымянных героев Отечественной войны — генералах, танкистах, летчиках, пехотинцах и, конечно же, товарищах Кармена по оружию — самоотверженных фронтовых кинохроникерах. В книге Кармена, как и положено хорошей прозе, дороги его героев порой перекрещиваются самым неожиданным образом, с той только разницей, что Кармену не надо было выдумывать ни их биографии, ни жизненные перекрестки, где судьба сводила их вместе. С отчаянно смелым летчиком Родригесом — курносый голубоглазый Жоржем Захаровым — Кармен подружился в тридцать шестом в Испании, в тридцать восьмом вновь встретился в Китае, а в сорок третьем на Западном фронте снимал летчиков

истребительной дивизии гвардии генерал-майора авиации Георгия Нефедовича Захарова.

Сколько еще таких удивительных человеческих биографий, за которыми угадывается биография целого поколения, проходит через книгу Кармена, цементируя ее, составляя внутренний сюжет! Но духовную цельность этой книги, как отметил в послесловии к ней Константин Симонов, прежде всего придает личность самого автора, его рассказ о своей работе и своей жизни, «неразрывно связанной с целой эпохой в жизни нашего общества».

Он становится горьким, этот рассказ, когда речь заходит о самых первых, самых тяжелых днях войны. Склонившись над телом сбитого советского летчика, Кармен в июле сорок первого запишет: «Мы не прикоснулись к камере. Не снимали. Почему? Рука не поднималась снять наш самолет, наши потери, наше горе». И хотя дальше он добавит, что не раз корил себя за то, что не снял тогда мертвого комсомольца, упавшего на землю, которую защищал, мы разделяем чувства автора, вынесшего на суд читателей пе-

чальные раздумья тех давних дней.

А с другой стороны, как не ощутить высокий накал торжества и гордую радость победы, когда Кармен описывает последнюю ночь войны в поверженном Берлине, или, скажем, другую ночь — во льдах Арктики, когда с флагмана советского ледокольного флота, спешившего на выручку «Седову», увидели во мгле огонек и, направив на него мощные прожекторы, осветили палубу обледеневшего корабля и команду, стоявшую на носу, — 13 человек, дрейфовавших на «Седове» два с половиной года!

В своей книге Кармен вспоминает, что в Испании и на полях Отечественной войны не раз мысленно внушал себе: не береги пленну! Снимай больше! Мир должен все это видеть! Хорошо, что он как литератор, по видимому, придерживался того же правила: больше запоминать, больше записывать! И вот перед нами книга человека, завидно много повидавшего и запомнившего, исколесившего со своей камерой чуть не полсвета.

Б. ГАЛАНОВ